

Я. А. Манукян

ОЛЬФАКТОРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КОНТЕКСТЕ ВОЙНЫ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию 08.11.2024 г.

Принята к публикации 06.06.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3

27

Для цитирования: Манукян Я. А. Ольфакторная оппозиция «свой – чужой» в контексте войны // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №4. С. 27 – 38. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3.

Исследование направлено на описание и интерпретацию запаха как знака «своего» и «чужого» в контексте войны. Материалом для анализа послужили текстовые фрагменты на русском и немецком языках, содержащие отсылки к процессам обоняния; фактологический материал извлекался из художественной литературы, посвященной событиям двух мировых войн. Исследовательский вектор строился с учетом того, что смысловые и символические коннотации запахов тесно связаны с социокультурным контекстом; ольфакторный опыт субъективен. Доказано, что запах в дискурсе войны выполняет две ключевые функции – оценочную и функцию границы; ольфакторный образ «своего» и «чужого» формируется под влиянием экстралингвистических факторов (война, концентрационный лагерь, пропагандистские нарративы и др.); запах выступает как инструмент разграничения, реже – как инструмент объединения и наделяется дополнительными когнитивно-семиотическими смыслами. Выделены и проанализированы три ольфакторные модели: «свои запахи – чужие запахи», «запахи чужой земли», «запах как стигма». Сделан вывод о том, что в условиях войны ольфакторные образы «своего» и «чужого» создаются путем социальных, этнокультурных, идеологических сравнений; как следствие, обонятельные впечатления отражают впечатления ментальные.

Ключевые слова: «свой – чужой» / «свое – чужое», запах, ольфакторный, война, концентрационный лагерь Освенцим

Введение

В российской лингвистике наблюдается устойчивый интерес к ольфакторной проблематике (подробнее об этом см.: [1]). Ольфакция привлекает внимание и западных ученых [2–5]. Однако несмотря на большое количество уже имеющихся научных трудов, запах в рамках оппозиции *свой – чужой* еще не становился предметом специального научного изучения. А между тем, как считает голландский психолог П. Врон, из всех чувств обоняние, вероятно, лучше всего выполняет функцию различения «я» и «не-я» [6].

Цель настоящего исследования заключается в описании, анализе и интерпретации запахов в рамках оппозиции *свой – чужой / свое – чужое* в условиях войны, когда категория чужести получает наивысшую актуализацию как в общественном метадискурсе, так и в индивидуальном сознании – потенциально опасный «чужой» становится врагом (подробнее об этом см.: [7, с. 32–67]).

Анализируя запахи в рамках указанной оппозиции, мы исходили из следующих положений: а) смысловые и символические коннотации запахов тесно связаны с социокультурным контекстом, с индивидуальным опытом оценивающего субъекта [8, с. 8; 9, с. 93; 10, с. 108]; б) в общественной жизни запахи участвуют в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним [11, с. 48].

Филолог и историк культуры О.Б. Вайнштейн вслед за парфюмером Эдмоном Рудницка описывает функционирование обоняния по следующей схеме: «Эта схема предполагает несколько этапов: действие пахучего вещества – возбуждение обонятельных рецепторов – выработка “ольфакторного послания” – обонятельное впечатление. Из них для нас наиболее интересна стадия оформления “послания”, поскольку именно в этот момент активно подключается смысловое поле культуры: “возбуждение, чтобы вызвать общую реакцию, сначала переводится и кодируется”, а затем уже передается через нервные импульсы в головной мозг, где этот сигнал соотносится с другой информацией, то есть попадает в знаковое поле и дешифруется как приятный или неприятный, опасный или, быть может, расслабляющий; далее уже следует реакция на уровне поведения и социальных императивов. Таков самый условный алгоритм обонятельного впечатления: его траектория ведет от природы к культуре» [8, с. 10–11]. Другими словами, ольфакторное восприятие имеет культурно-историческую динамику, обонятельный паритет не может быть вневременным и статичным. Отсюда – субъективно-оценочная составляющая одорической лексики. Соответственно, следует говорить не о дискурсе запахов вообще, а о дискурсе запахов определенной эпохи, среды, которые и формируют ольфакторную шкалу *хорошо / плохо*. При таком подходе к исследованию одоремы представляют собой бесценные ключи для выявления некоторых скрытых смыслов, отражают социокультурные и исторические реалии.

Гипотеза исследования состоит в том, что ольфакторный образ «*своего*» и «*чужого*» формируется под влиянием экстралингвистических факторов; запах выступает как инструмент разграничения, реже – как инструмент объединения и наделяется дополнительными когнитивно-семиотическими смыслами.

Фактологической базой исследования стали текстовые фрагменты на русском и немецком языках, содержащие отсылки к процессам обоняния. Материал для анализа извлекался из художественной литературы, посвященной событиям двух мировых войн.

В работе применен интерпретативный анализ, способствующий «дешифровке» запаха, упоминаемого в текстовом фрагменте, благода-

ря знаниям контекста, равно как и фактов, выходящих за пределы языка. Дополнительными методами исследования стали описательный, сравнительный методы, элементы лингвокультурологического и лингвокогнитивного анализа.

Отмеченная выше активизация интереса к изучению ольфакции подтверждает актуальность выбранной темы. Научная новизна исследования продиктована необходимостью специального изучения смыслов и функций запахов в разных дискурсах (парфюмерный, любовный, геронтологический и др.), иллюстрирующих различную оценку запаха.

Результаты и выводы проведенного исследования, расширяя и углубляя наши представления о дискурсивной типологии запахов, способствуют дальнейшему развитию сенсорной лингвистики в целом и ольфакторной в частности.

Результаты и обсуждение

Оппозиция *свой – чужой*, как указывает Ю. С. Степанов, представляет собой сложное, многомерное образование и является одним из основополагающих концептов ментального поля всякой культуры. Это та сфера, «где само противопоставление создается не только объективными данными, но и их субъективным отражением в сознании» [12, с. 126 – 127]. Как показывает дальнейшее исследование, проблема взаимодействия *своего* и *чужого* проявляется и на ольфакторном уровне.

Этнолингвист и антрополог Г. И. Кабакова отмечает: «Человек ничем не пахнет до тех пор, пока остается в “своей” среде; лишь болезни да скрытые пороки проявляются через дурные запахи. Упоминание о неприятном запахе, кроме того, встречается в описании “чужого”: человека иной нации, культуры, иного социального происхождения» [13, с. 40]. Для нашего исследования в рассуждениях Кабаковой показательно следующее замечание: «не пахнет до тех пор, пока остается в “своей” среде», то есть пока индивид пребывает в родной, привычной для него ольфакторной среде. И второе: «упоминание о неприятном запахе... встречается в описании “чужого”», то есть понятие чужести, выступая как когнитивный маркер, сопрягается с плохими, неприятными запахами. В связи с этим обратимся к следующему утверждению А. И. Татарниковой, исследовавшей санитарно-гигиеническую культуру аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. через ее восприятие представителями местной русской интеллигенции: «Неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние жилищ “сибирских дикарей” порождало массу неприятных, скверных запахов, которые характеризовались описателями быта аборигенов как “зловонные”. Между тем самими обитателями жилых помещений запахи плесени, гниения, сырости, тухлые запахи не воспринимались так остро. <...> Зловонный запах в представлении местной интеллигенции был своего рода визитной карточкой “чужих” народов, населяющих край. Образ “иностранца” устойчиво ассоциировался у авторов газетных публикаций с дурным запахом» [14, с. 130].

В приведенной цитате оценивание *чужих* запахов протекает в рамках оппозиции «цивилизация» – «варварство», оценка дается с опорой на *свои* «эталонные» ощущения. Как следствие, формируется негативный одорический образ «туземца».

Рассуждения Г. И. Кабаковой и А. И. Татарниковой подтверждаются результатами эксперимента, который описан в работе социолога А. Г. Левинсона «Повсюду чем-то пахнет». Запахи родного и чужого дома, по его словам, сильно разнятся. В ходе эксперимента было установлено, что в формировании перцептивного образа концепта «Свой дом» участвуют многочисленные факторы: это запах материалов (дерево), красок (пола, стен), тканей (шторы, одежда), разнообразных хранимых веществ, газа, перца, хлорки. В чужом доме гости чувствуют запах уборной, еды, домашних питомцев, табака, идентифицируют по запаху национальную принадлежность хозяев, их социальный статус и культурные традиции [15, с. 12–13]. С некоторыми допущениями можно сказать, что запахи, которые респонденты чувствуют в своем доме, выражают такие понятия, как «уют», «чистота». Иначе пахнет у чужих. Здесь запахи «кричащие», порой отталкивающие.

В 2004 г. эксперт в области запахов и художница Сиссель Толаас реализовала специфический урбанистический проект NOSOEAWЕ, цель которого заключалась в том, чтобы проиллюстрировать ольфакторные предрассудки жителей немецкой столицы. Для реализации проекта были отобраны четыре района Берлина, образующие ключевые точки городского ландшафта: Райниккендорф (в округе преобладают запахи лестниц, пропитанных потом тренажерных залов и недорогого алкоголя), Нойкёльн (благоухает ароматами крепкого табака, мяса, поджаренного на гриле, подсолнечного масла и турецкой сдобы), Митте (в этом районе доминируют кофейни Starbucks, суши-рестораны и модные бары) и Шарлоттенбург (известен своими дорогими бутиками и первоклассными спа-салонами). Ответы информантов, участвовавших в опросе, показали, что чужие ароматы и запахи вызывают у них напряжение, враждебность. По мнению самой художницы, «ни один запах не является вонью: таким его делают наши представления». Анализируя данный проект, Джим Дробник¹ приходит к выводу о том, что «традиционные ольфакторные дискурсы не являются ни естественными, ни очевидными»; «обоняние – нечто большее, нежели просто пассивное восприятие; этот процесс включает в себя оценочную, мыслительную и агентную деятельность» [16].

В настоящей статье выделены следующие ольфакторные модели: 1) «свои запахи – чужие запахи»; 2) «запахи чужой земли»; 3) «запах как стигма». В рамках данных моделей анализируются и интерпретируются различные ольфакторные фреймы и фрейм-сценарии, образуемые отношениями сопоставления и противопоставления. Перейдем к их описанию.

¹ Автор книги «Акустические культуры» (*Aural Cultures*, 2004) и хрестоматии по запахам (*The Smell Culture Reader*, 2006).

1. **Ольфакторная модель «свои запахи — чужие запахи».** Приведем несколько текстовых фрагментов, иллюстрирующих восприятие чужих запахов:

(1) *Чужой запах шел от американских касок. При братании с союзниками их приходилось надевать. У них они были двойные: одна из прессованного картона, а на нее надевалась вторая — стальная* [10, с. 116].

(2) *Лес был полон указок, причем чаще всего на них были написаны цифра 5 и буква W. Повсюду был запах немца, фрица, ганса, германца, фашиста, — запах постылый и презираемый* [17].

(3) *Пахло от немца каким-то чужим запахом: и табаком не таким, и одеждой другой, и даже потом другим...* [18].

31

Обонятельное воплощение «чужого» находит свое отражение и в следующем контексте. После ухода русских солдат в доме немцев остался чужой запах, что можно интерпретировать как символическое присутствие врага, запах здесь — нечто чуждое, что вторглось в привычную атмосферу немецкой семьи:

(4) *Die Russen standen mitten im Zimmer. Sie fragten: „Soldatt?“ Alle verneinten, der Vater entschloß sich, sein Holzbein vorzuweisen, sie nickten dazu. <...> Schließlich ging er schweigend aus dem Zimmer, die beiden Soldaten verließen das Haus, zurück blieb ein fremder Geruch* [19].

Обращает на себя внимание тот факт, что одоремы *чужой запах; пахло чужим запахом; запах немца, фрица, ганса, германца, фашиста; ein fremder Geruch* — это запахи без собственно запаха. Распознавание чужого происходит по формуле «пахнет по-другому / иначе», ольфакторная оценка осуществляется через призму концепта «Враг». Соответственно, запахи могут выступать как «заместители» тех или иных ощущений, то есть домысливаться.

Рассмотрим контексты, которые иллюстрируют восприятие запахов в рамках категории *свой / свое*.

Автор книги «Человек ли это?» Примо Леви, арестованный нацистами как член итальянского антифашистского движения в феврале 1944 г., повествует о своем жизненном опыте в концентрационном лагере Освенцим:

(5) *Schade, denn einen Bettkameraden zu haben, dem man Vertrauen schenken oder mit dem man sich wenigstens verstehen kann, ist ein unermesslicher Vorteil; außerdem ist es jetzt Winter, und die Nächte sind lang, und wenn wir schon einmal gezwungen sind, Schweiß, Geruch und Wärme mit jemandem zu teilen, so ist es doch sehr wünschenswert, es möge dies ein Freund sein* [20, S. 33].

Пример показывает, что при определенных обстоятельствах запах, который в условиях насильственно навязанной интимности есть не что иное как зловоние, не только не оценивается отрицательно, но и становится для узника Освенцима возможностью для сближения и шире — стратегией для выживания. С этой точки зрения процитируем Дж. Дроб-

ника: «...человеческое обоняние, под влиянием сентиментальных и эмоциональных душевных порывов, способно сообщать значимость необычным и даже неприятным запахам» [16].

Для того чтобы сравнить восприятие неприятного запаха в разных контекстах, приведем следующий текстовый фрагмент. Главный герой романа Г. Канта «Остановка в пути» Марк Нибур, находясь в плену, попадает в лазарет. Здесь главной темой становится резкий, отвратительный запах, из-за которого нет места дружбе:

(6) *Für Freundschaft war dies kein Ort; man wohnte zu eng, und man stank zu sehr* [21, S. 40].

Таким образом, неприятный запах в примере (5) выступает символом сближения, тогда как в примере (6) аналогичный запах становится преградой для дружбы.

Запах пота как знак «своего» иллюстрирует текстовый фрагмент из романа Ю. В. Бондарева «Горячий снег». Описывая встречу сына с отцом, писатель приводит следующую ольфакторную деталь:

(7) *Виктор неловко ткнулся губами в край его рта, и Бессонов поцеловал его в горячую щеку, ощутив сладковатый запах чистого мальчишеского пота от его гимнастерки* [22].

Отметим, что синестема *сладковатый запах* (запах > вкус), относимая к метафорам когнитивного круга, не только имплицитно указывает на юный возраст сына, но и несет дополнительную смысловую нагрузку, кодируя чувственную и эмоциональную оценку.

2. *Ольфакторная модель «запахи чужой земли»*. Согласно Н. Л. Зыховской, «при попадании в чужое пространство активизируется “животное” начало — инстинкт самосохранения “включает” обоняние, помогающее анализировать новое место, чтобы заключить, враждебно (опасно) оно или нет» [23, с. 104]. Имеющийся в нашем распоряжении фактологический материал подтверждает данное наблюдение. Приведем контексты, иллюстрирующие этот процесс «принюхивания» (Н. Л. Зыховская) к пространству в условиях войны на территории противника:

(8) *Es riecht wie in den Gängen eines Hospitals. Es riecht nach Chlor und allen möglichen Dingen. Diesen Geruch habe ich schon heute morgen verspürt, als wir uns dem Argonnerwald näherten. Dieser ganze Wald, trüchtig von Feuchtigkeit, Erde und Wurzeln, hat diesen **sonderbaren Geruch** angenommen. Er stammt von den Gasbomben der Franzosen, von den Gasen der stündlich einschlagenden Granaten, von den Massengräbern, die mit Chlorkalk zugeschüttet sind* [24].

В примере (9) главной темой становится *чужой, опасный* запах:

(9) *Graeber stapfte den Weg um das Dorf herum. Das mondlose Licht verschob alle Perspektiven. Der Schnee fing es irgendwoher und warf es zerstreut zurück. Häuser erschienen ferner und Wälder näher, als sie waren. **Es roch nach Fremde und Gefahr*** [25].

Следующий пример показывает, как география военного конфликта и исторические факты влияют на восприятие запахов. Роман Э.М. Ремарка «Время жить и время умирать» начинается с описания запахов смерти, и если в Африке смерть имеет *сладкий, удушливый, тяжелый* запах, то в России смерть *зловонная* (запах как символ колоссального поражения нацистской Германии в войне против СССР):

(10) *Der Tod roch anders in Rußland als in Afrika. In Afrika, unter schwerem englischem Feuer, hatten die Leichen zwischen den Linien auch oft lange unbeerdigt gelegen; aber die Sonne hatte schnell gearbeitet. Nachts war mit dem Winde der Geruch herübergekommen, süß, stickig und schwer... In Rußland war es ein scmieriger, stinkender Tod* [25].

33

Обоняние тесно связано с памятью человека. «Запахи — пусть даже на бессознательном уровне — регистрируются мозгом» [11, с. 46] и могут спровоцировать глубокую эмоциональную реакцию. Так, запахи войны (крови, пороха, земли, смерти, пепла) как личное воспоминание, связанное с определенными местами прошлого, представлены в следующих текстовых фрагментах:

(11) *Die kahlen Felder der Schlacht liegen vor ihm. In der ungewissen Dämmerung sind sie ein aufgewühltes und erstarrtes Meer, ein versteinertes Sturm. Rahe spürt den fahlen Dunst von Blut, Pulver und Erde, den wilden Geruch des Todes, der immer noch in dieser Landschaft ist und Gewalt hat* [26].

(12) *Damit läßt er den Graben hinter sich, springt auf und greift selber wieder an. Aber das ist jetzt nicht mehr Karl Broeger, der Mann mit Bankgeschäften und Fußballnachrichten; das ist ein ganz anderer, zehn Jahre Jüngerer, dies ist Unteroffizier Broeger, den die Erde wieder gepackt hat, der wilde Aschengeruch der Schlachtfelder und die Erinnerung, die wie ein Wirbelwind auf ihn einstürmt* [27, S. 27].

3. Ольфакторная модель «запах как стигма». Рассмотрим пример, в котором запах¹ в контексте Первой мировой войны включается в нарратив в качестве активного участника событий и выступает как яркий маркер «обонятельной идеологии», сложившейся под влиянием определенных нарративов. Историк Д. Дендувен пишет:

(13) *Во Франции была широко распространена идея, что немцы распространяют отвратительный запах. Он наполнял местность, которую они занимали, даже за пределами уборных, которыми они, казалось, отмечали свое присутствие... Частные дневники, письма и статьи в печати свидетельствуют об устойчивой вере в отличный немецкий запах. Это был глубоко укоренившийся предрассудок, который разделяли даже люди науки. Доктор Эдгар Берильон объяснял ужасный запах, исходящий от немцев, как результат эмоциональной несдержанности, вызывавшей чрезмерное потоотделение (цит. по: [28, с. 81]).*

Итак, в примере речь идет о запахе исключительно сильном и, что особенно важно, это запах национальный: образу здорового и потому

¹ Мы полагаем, что в данном текстовом фрагменте речь идет о запахе пота.

лишенного неприятного запаха участника антигерманской коалиции противопоставлен ольфакторный образ больного и потому смердящего немецкого тела (ср. с наблюдением Г.И. Кабаковой: «лишь болезни да скрытые пороки проявляются через дурные запахи» (курсив наш. — Я.М.) [13, с. 40]).

Обозначим, какие именно когнитивные параметры задают восприятие запаха и тем самым моделируют пейоративный ольфакторный образ *чужого*. Это, во-первых, *война*, во время которой вопрос о чужом как враге особо заострен: так, в период Первой мировой войны британская пропаганда находила у солдата-немца черты «варвара», повадки «зверя», а сама Германия осмыслялась как «мировое зло»; уничижительному переосмыслению подвергался и образ кайзера, который в британских материалах агитационной направленности был представлен как «мясник» и «главный военизированный актер» [29, с. 140]. И, во-вторых, *националистический дискурс*, характерный для политики практически всех участвовавших в Первой мировой войне стран.

Отметим и другой аспект. Немцы, определяя культуру через чистоту, связывали с последней идею порядка. Грязь с позиций немецкой этнокультуры — это покушение на порядок как на национальную ценность [30, с. 196]. Соответственно, отвратительный запах, якобы исходящий от немецкого военнослужащего, выступает как инструмент деконструкции образа «белокурого героя» — носителя германской культуры как единственной истинно европейской, а сам «запаховый след», демонизирующий противника и одновременно с этим являющийся ядром оппозиции, противопоставляющей категории «варварства» и «европеизма», становится одним из неотъемлемых фреймовых составляющих таких концептов, как «Враг» и «Война».

Представляется интересным сопоставить репрезентацию неприятного запаха у Леви (пример (5), где он служит мостом для сближения) и у Бондарева (сладковатый запах пота, исходящий от сына, в примере (7)) с ольфакторной характеристикой, данной немцам военнослужащими антигерманской коалиции: запахи одинаковые, восприятие разное. В примере из Д. Дендувена запах — это ненависть по отношению к врагу, выраженная языком перцепции.

Негативные этнические стереотипы, навешивающие ярлыки на представителей другого народа, иллюстрирует и следующий пример. События разворачиваются в лагере для немецких военнопленных; лагерный быт описывается одним из заключенных через дискурс антисемитизма:

(14) *Nicht daß wir etwas gegen einen gehabt hätten, der sich die Russen vornahm oder die Bolschewisten, aber Edwin hatte es ausschließlich mit den Juden, und alles, was er dazu sagte, war von einer geradezu manisch schmutzigen Art, und es gehörte unter uns schon etwas dazu, als besonders schmutzig aufzufallen. Edwin schaffte das, indem er die Suppe Judenpisse nannte und die Wanzen Zionstöchter, und auf der Latrine stank es ihm natürlich immer wie in einer Synagoge...* [21, S. 124].

В примере (15) посредством запаха формируется негативная самоидентификация. Узник Освенцима Примо Леви, будучи дипломиро-

ванным химиком, был отобран руководством лагеря для «специальных» работ на заводе по производству искусственного каучука. Один из заключенных рассказал, что химики должны сдавать экзамен. В своих рассуждениях главный герой с ужасом представляет, как он — голодный, с дрожью в коленях и с исходящим от него особым запахом заключенного — будет сдавать экзамен немецкому профессору:

(15) *Mit unserem ständigen Gefährten Hunger werden wir vor ihm erscheinen, und es wird schwer sein, mit unseren unsicheren Knien ruhig zu stehen, und bestimmt wird er diesen Geruch an uns wahrnehmen, der uns inzwischen vertraut ist, aber in den ersten Tagen dauernd verfolgte: den Geruch von Rüben und Kohl, roh, gekocht und verdaut. <...>*

Dann ist Alex in den Chlormagnesium-Keller gekommen und hat uns sieben zur Prüfung abgeholt. Und nun gehen wir hinter ihm her wie sieben unbeholfene Küken hinter der Glucke, die Stiege zum Polymerisations-Büro hinauf. Da stehen wir auf dem Treppenabsatz, an der Tür ist ein Schild mit den drei wohl bekannten Namen [20, S. 57 – 58].

35

В данном текстовом фрагменте запах выполняет несколько функций. Во-первых, запах, о котором говорится в примере, выразительно маркирует ольфакторный ландшафт концлагеря Освенцим (*diesen Geruch... der uns inzwischen vertraut ist*) и предстает как знак-символ не только целого коллектива, но и данного типа коллективности. Во-вторых, запах выступает как средство репрессии: главный герой стыдится своего запаха (*bestimmt wird er diesen Geruch an uns wahrnehmen... den Geruch von Rüben und Kohl, roh, gekocht und verdaut*). С этой точки зрения интересно наблюдение Е. А. Жирицкой: «...запах не может превратиться в средство репрессии, если сам репрессируемый не расценивает его как унижающий» [31, с. 178]. В-третьих, запах, о котором пишет Леви, можно интерпретировать и как своеобразный инструмент разделения пространства на лагерное и окололагерное (химический завод рядом с лагерем). Разделение проходит в рамках оппозиции *мы* и *они*. *Мы* — это узники Освенцима, для которых тяжелый запах репы и капусты стал неотъемлемой составляющей, ольфакторной нормой их лагерного бытия, *они* — экзаменаторы, которые обязательно почувствуют *этот* запах. В дополнение отметим, что сам нарратор осмысляет запаховый «разрыв» между ольфакторной нормой и ольфакторной реальностью, только покидая пределы лагеря, пусть даже и мысленно рассуждая о том, какое негативное впечатление произведет на экзаменаторов исходящий от него запах, то есть при «переходе» границы из своего (= привычного) одорического пространства, находящегося ниже черты социальной ценности (лагерь как таковой), в иное одорическое пространство (химический завод), расположенное за пределами лагеря.

Итак, ольфакторная оценка *своего* и *чужого* в контексте войны формируется не столько за счет объективных факторов, сколько в качестве отражения субъективного восприятия запаха в сознании. Связь между воспринимаемым запахом и порождаемой оценкой носит ярко выраженный аксиологический характер.

Выводы

Проанализированный репертуар запахов позволяет подвести следующие итоги.

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу. Ольфакторные образы *своего* и *чужого* конструируются путем социальных, этнокультурных, идеологических сравнений. Как результат, перцептивные впечатления отражают впечатления ментальные. Одоремы в дискурсе войны выполняют две магистральные функции — *оценочную* и функцию *границы*. В рамках данных функций запах проявляется как сигнальный, ориентировочный знак:

1. Ольфакторное измерение *своих* получает положительную характеристику. Взаимодействие с врагом сопровождается обнаружением именно *чужих*, а не других запахов. Из концептуальной триады *свой* — *иной* / *другой* — *чужой* выпадает категория *иной* / *другой*.

2. Запахи *чужого* пространства характеризуются отрицательно: а) осмысляются как потенциальная угроза, при этом описание запахов может не детализироваться, важно указать только, что незнакомая местность имеет отличительный или опасный запах; б) оценка ольфакторного ландшафта формируется в зависимости от места военных действий и/или исторических событий. Запах обладает властью над человеком и при определенных обстоятельствах может активизировать деструктивные воспоминания о пережитом военном опыте.

3. Ольфакторная модель «запах как стигма» реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность по отношению к представителям другой этнокультуры. Отторжение осуществляется не столько в рамках оппозиции *свой* — *чужие*, сколько по оппозиции «*высшие*» с характерным для них ольфакторным нейтралитетом — «*низшие*» с характерным для них зловонием. Приведенные текстовые фрагменты в рамках данной модели иллюстрируют вектор движения от, условно говоря, простых запахов (ср., например, с моделью «*свои запахи* — *чужие запахи*») к сложным, контекстуально обусловленным одоремам с повышенной символической нагрузкой, репрезентирующим статусно-ролевую ольфакторную стратификацию. В рамках данной модели запах — это репрессивный инструмент и, шире, когнитивный конструкт, отображающий властные отношения.

Список литературы

1. Зыховская Н.Л. Изучение теории одорической вербализации в отечественной филологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2012. №25. С. 10 — 13.
2. Gschwind J. Repräsentation von Düften. Augsburg, 1998.
3. Holz P. Die Sprache des Parfums: Eine empirische Untersuchung zur Grammatik, Metaphorik und Poetizität des Parfumwerbetextes. Hamburg, 2005.
4. Majid A., Burenhult N. Odors are expressible in language, as long as you speak the right language // Cognition. 2014. Vol. 130, №2. P. 266 — 270.
5. Kaczmarek H. Weingeschmack und -geruch im önologischen Diskurs // Linguistische Treffen in Wrocław. 2024. Vol. 25 (1). S. 105 — 115.

6. Климентьев М. Специи для ума: истоки современной западной парфюмерии // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2012. №26. С. 293–318.
7. Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.
8. Вайнштейн О. Б. Грамматика ароматов // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 1. С. 5–13.
9. Нарский И. В. Можно ли разнюхать (советское) прошлое? Возможности и трудности культурной истории обоняния // Мир историка и пространство истории. Челябинск, 2018. С. 92–117.
10. Костяев А. И. Ароматы и запахи в истории культуры: Знаки и символы. М., 2022.
11. Классен К., Хоувз Д., Синнот Э. Значение и власть запаха // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 1. С. 43–51.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
13. Кабакова Г. И. Запахи смерти // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 40–49.
14. Татарникова А. И. Чем пахнут «Чужие»: санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. (по материалам сибирской прессы) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №4 (23). С. 127–132.
15. Левинсон А. Г. Повсюду чем-то пахнет // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 7–39.
16. Дробник Д. Город: дистилляция // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. №26. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2974> (дата обращения: 18.05.2024).
17. Казакевич Э. Г. Звезда. М., 1963. URL: <https://lib.ru/PROZA/KAZAKEWICH/zvezda.txt> (дата обращения: 02.05.2024).
18. Кондратьев В. Л. Сашка. URL: <https://militera.lib.ru/prose/russian/kondratyev1/01.html> (дата обращения: 12.06.2024).
19. Kohlhaase W. Erfindung einer Sprache und andere Erzählungen. URL: https://www.google.ru/books/edition/Erfindung_einer_Sprache_und_andere_Erz%C3%A4/RBodEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 10.05.2024).
20. Levi P. Ist das ein Mensch? München ; Wien, 1988.
21. Kant H. Der Aufenthalt. Berlin, 1977.
22. Бондарев Ю. В. Горячий снег. URL: https://mcbs-plast.chel.muzkult.ru/media/2020/04/25/1255470050/Bondarev_Yuriy_Vasilyevich_Goryachiy_sneg_-_The_Lib_Ru.pdf (дата обращения: 18.05.2024).
23. Зыховская Н. Л. Поэтика запаха в чужом пространстве // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. №2. С. 103–107.
24. Kellermann B. Der Krieg im Westen: Kriegsbericht aus Frankreich. URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_Krieg_im_Westen/t6HiEAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 11.04.2024).
25. Remarque E. M. Zeit zu Leben und Zeit zu Sterben. URL: https://deutschzusammen.usite.pro/Remarque-Zeit_zu_Leben_und_Zeit_zu_Sterben.pdf (дата обращения: 18.04.2024).
26. Remarque E. M. Der Weg zurück. URL: <https://www.rulit.me/books/der-weg-zur-read-269608-1.html> (дата обращения: 12.04.2024).
27. Remarque E. M. Karl Broeger in Fleury. Köln, 1993. URL: <https://inozmi.wordpress.com/wp-content/uploads/2014/05/remarque-erich-maria-der-feind.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
28. Голубинов Я. А., Жердева Ю. А. Низкий юмор в карикатурах Первой мировой: переосмысление образов войны юными художниками // Уральский исторический вестник. 2019. №3 (64). С. 75–83. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-75-83](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-75-83).

29. Ульянов П.В. Эволюция содержания «образа врага» (по отношению к Германии) в британской пропаганде в период Первой мировой войны : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016.

30. Фетисова Т.А., Медяков А.С. «Грязный злой русский». Образ России на немецких открытках Первой мировой войны // Вестник культурологии. 2019. №3 (90). С. 193–197.

31. Жирицкая Е.А. Легкое дыхание: запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х годов // Ароматы и запахи в культуре. М., 2010. Кн. 2. С. 167–269.

Об авторе

38

Янис Ашотович Манукян — канд. филол. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: manukyanyanis@rambler.ru

Ya. A. Manukyan

OLFACTORY OPPOSITION OF “ONE’S OWN – ANOTHER’S” IN THE CONTEXT OF THE WAR

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Received 08 November 2024

Accepted 06 June 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3

To cite this article: Manukyan Ya. A., 2025, Olfactory opposition of “one’s own – another’s” in the context of the war, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №4. P. 27–38. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-3.

The study is aimed at describing and interpreting smell as a sign of “one’s own” and “the other” in the context of war. The material for analysis consists of text fragments in Russian and German that contain references to olfactory processes; the factual material was extracted from works of fiction devoted to the events of the two world wars. The research vector was built taking into account that the semantic and symbolic connotations of smells are closely connected with the sociocultural context, and olfactory experience is subjective. It is proved that the smell in the discourse of war performs two key functions – an evaluative and a boundary function; the olfactory image of “one’s own” and “someone else’s” is formed under the influence of extralinguistic factors; the smell acts as an instrument of differentiation, less often as an instrument of unification and is endowed with additional cognitive-semiotic meanings. Three olfactory models are identified and analyzed: “one’s own smells – others’ smells,” “smells of foreign land,” and “smell as stigma.” It is concluded that in wartime conditions, the olfactory images of “one’s own” and “the other” are created through social, ethnocultural, and ideological comparisons; as a result, olfactory impressions reflect mental impressions.

Keywords: “one’s own – the other’s”, smell, olfactory, war, Auschwitz concentration camp

The author

Dr Yanis A. Manukyan, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: manukyanyanis@rambler.ru